

УДК 81'42
ББК 81

**В.С. Норлусенян,
Н.О. Григорьева**

**ИНОЯЗЫЧНЫЕ ВКРАПЛЕНИЯ
В СОВРЕМЕННОМ
ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ:
КОММУНИКАТИВНО-
ПРАГМАТИЧЕСКИЙ
ПОТЕНЦИАЛ**

Статья посвящена выявлению коммуникативно-прагматического потенциала иноязычных вкраплений в текстах современной российской прозы, определению функционального статуса иноязычных элементов разной структуры и семантики в пространстве художественного текста. Предпринимается попытка анализа экспрессивных и прагматических возможностей иноязычных вкраплений как текстообразующего элемента.

Ключевые слова: *иноязычный, текст, прагматический, вкрапление.*

Норлусенян Вячеслав Суменович – канд. филол. наук, доцент кафедры теории языка и русского языка Института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации Южного федерального университета
Тел.: 8-918-580-07-53
E-mail: surenovich@inbox.ru

Григорьева Надежда Олеговна – канд. филол. наук, доцент кафедры теории языка и русского языка Института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации Южного федерального университета
Тел.: 8-918-898-98-04
E-mail: ngreg25@yandex.ru

© **Норлусенян В.С.,
Григорьева Н.О., 2014.**

Одной из особенностей текстов современной российской прозы является активное использование иноязычных вкраплений. Если в конце 90-х гг. XX в. иноязычные слова, часто нетранслитерированные, функционирующие в пространстве художественного текста, выглядели явлениям экзотичным, даже провокационным в какой-то мере, то сейчас широкое употребление иноязычных элементов становится приметой идиостиля для многих современных авторов, таких как В. Пелевин, В. Сорокин, И. Стогоff, С. Минаев. Вопрос о том, насколько правомерно активное употребление иноязычных элементов в художественном тексте, однозначного ответа не имеет. Зачастую иноязычные элементы являются средством характеристики персонажей. Можно отметить наличие тенденции к росту употребления иноязычных элементов в текстах современной российской прозы.

В нашей статье речь пойдёт именно об особом типе иноязычных вкраплений – нетранслитерированных фрагментах текста, включённого в русский.

В научный обиход термин «иноязычное вкрапление» ввёл А.А. Леонтьев. Исследователь распределил «внесистемные иноязычные элементы» по 16 типам, распространив классификацию различными случаями грамматической девиации иноязычных единиц, оформленных по законам русского языка, и русских слов, оформленных по законам «чужого» языка [Леонтьев, с. 60 – 68].

Л. П. Крысин иноязычные вкрапления определяет как «не-

замкнутые группы слов, употребление которых обусловлено степенью знакомства говорящего с иностранным языком, некоторыми стилистическими или жанровыми особенностями речи» [Крысин, с. 47].

Ю.Т. Листрова-Правда считает, что иноязычные вкрапления «представляют собой незамкнутый, открытый ряд явлений в принявшей их речи, он может быть пополнен в любой момент (билингвом или полилингвом) из любого иностранного языка, известного ему» [Листрова-Правда, с. 23].

Опираясь на существующие точки зрения, можно утверждать, что графическая неассимилированность является доминирующей чертой иноязычных вкраплений, позволяющей отграничить последние от других типов иноязычных слов (экзотизмов, варваризмов, макаронизмов и т. п.).

Представляется важным уточнить функциональные и коммуникативно-прагматические характеристики нетранслитерированных единиц, в том числе фрагментов текста, что позволит определить их статус в системе иноязычных элементов в русском языке, а также маркеров идиостиля.

Рассмотрим эти параметры на материале текста романа В. Пелевина «Числа», так как, во-первых, для этого автора характерно использование иноязычных элементов, а во-вторых, тематика и сюжет романа, система персонажей предполагают наличие в тексте разных типов иноязычных вкраплений, которые выполняют различные функции, т. е. данный текст позволит сделать репрезентативную выборку, обеспечивающую обоснованность выводов.

Героиня романа В. Пелевина «Числа» Мюс «филолог из Лондона великолепно знала русский язык, который достался ей по наследству от эмигрантки-бабушки, но русской себя не считала» (В. Пелевин, «Числа»). Она переходит на английский в моменты высокого эмоционального напряжения или в том случае, когда хочет объяснить какие-то сложные вещи, но сомневается в хорошем владении русским языком.

– Ты совсем не слушал, – сказала она жалобно. – А у меня здесь много нового материала... Другой парадигматический анекдот про рояль в форме кобуры... Не надо... И его кросс-культурный анализ... Я же говорю, не надо... **No always means no, you Russian swine!** («Нет» всегда значит «нет», русская свинья!)... Пусты... Пусты же... Ах, Пикачу... (В. Пелевин, «Числа»).

– Вы вообще не понимаете, что такое терпимость к чуждому образу жизни. Тем более что такое **moral tolerance**. Погляди на эту демонстрацию, – Мюс кивнула на телевизор, передававший новости ВВС, в которых мелькнул поп-дуэт. – Наше общество стремится обеспечить потребителю не только дешевый бензин, но и моральное удовлетворение от протеста против метода, которым он добывается. (В. Пелевин, «Числа»).

Каждое употребление нетранслитерированных иноязычных вкраплений сопровождается авторским переводом, который приводится в сносках. Такая организация текста позволяет читателю либо не об-

ращаться к переводу, либо обращаться к нему непосредственно сразу после прочтения такого элемента текста. В противном случае, на наш взгляд, можно говорить об особой организации текста в читательском восприятии, при этом текст с задействованным авторским переводом-комментарием приобретает определённые признаки гипертекста. В зависимости от того, обращается ли читатель к переводу или нет, он может актуализировать в тексте разную информацию. Кроме того, если читатель не обращается к переводу, усиливается прагматический потенциал нетранслитерированных иноязычных вкраплений, если же читатель задействует и текст комментария, он устанавливает связь между двумя фрагментами текста, что позволяет ему полностью воспринимать его содержание, но и в этом случае нетранслитерированные иноязычные вкрапления выполняют функцию привлечения внимания.

*Какой-то Макдональдс духа. **You know, I hate spiritual fast food. (Ты знаешь, я ненавижу духовный фастфуд)**.* (В. Пелевин, «Числа»).

– *Запомни, – говорил Степа, сжимая ее в руках и думая о том, что выражение «**feline grace**» нельзя перевести на русский, поскольку «кошачья грация» заставляет задуматься о седенькой покровительнице пятнадцати кошек, а вовсе не о хищной кошачьей красоте, – запомни, пожалуйста, Мюс. Я не покемон. Я покебан. И никогда не путай. Понятно?* (В. Пелевин, «Числа»).

Иноязычные вкрапления в речи героини романа В. Пелевина несут и важную лингвокультурно обусловленную информацию, связанную с реализацией того или иного вида пресуппозиции как зоны пересечения коммуникативных пространств персонажей.

– *Сколько раз повторять, – говорила она, – весь этот **Far Eastern crap does not work in the Occident!** (Эта дальневосточная фигня не работает на Западе!). Это попытка уйти от реальных проблем, которые ставят жизнь...* (В. Пелевин, «Числа»).

– *Ты как Саддам Хусейн. **Cooperating on the procedure, but not on substance. (Сотрудничаешь по процедурным вопросам, но не по существу)**.* Зачем ты каждый раз слазишь на пол? (В. Пелевин, «Числа»).

Но сначала Степа решил поделиться своим открытием с Мюс.

– *А, «The Sun», – сказала она. – У нас ее никто не читает.*

– *Как так? – спросил Степа. – Как никто не читает, когда это самая популярная газета?*

Мюс посмотрела на него с надменной гордостью.

– ***To understand this you have to be British** – сказала она. (Понять это может только британец).* (В. Пелевин, «Числа»).

Выбор нетранслитерированной единицы, на наш взгляд, усиливает прагматический эффект этого фрагмента текста, так как ориентирует не только непосредственных участников коммуникативной ситуации, но и читателя на актуализацию лингвокультурно обусловленных пресуппозиционных компонентов. Если читатель обладает достаточными знаниями английского языка, то представленный в тексте перевод позволя-

ет ему понять различия между восприятием этностереотипа «британец» и «русский» представителями двух лингвокультур.

Можно предположить, что сам факт наличия перевода, который служит своеобразным комментарием к тексту, позволяет автору актуализировать семантику нетранслитерированных иноязычных вкраплений. Читатель, достаточно произвольно соотнося авторство перевода либо с автором всего текста, либо с тем или иным персонажем, может дополнять собственное восприятие того или иного лица, варьировать оценки его личности и действий.

– *Я никогда ничего не говорил про бездуховность Запада, – попробовал Степа уклониться от коллективной русской вины. Но Мюс не обратила на его слова внимания.*

– *Вас только что выпустили из темной вонючей казармы, и вы ослепли, как кроты на солнце. **You totally miss the point. (Ты совершенно упускаешь главное).** Секрет капиталистической одухотворенности заключен в искусстве потреблять образ себя.* (В. Пелевин, «Числа»).

Толстый монах-капуцин, которого волокли куда-то стражники в кирасах, молился:

– ***Take this cup away from me...***

«Да минет меня чаша сия...» – механически перевел Степа и вдруг обнаружил удивительное совпадение между словом, стоявшим в начале этого выражения, и делом. (В. Пелевин, «Числа»).

Речь Мюс изобилует фразами типа «как это по-русски» и «понимаешь?», которые можно рассматривать как маркеры речи инофона, как интенционально актуализируемую субъективную модальность неуверенности в точности выбора единиц чужого языка, а также в ряде случаев как специфические заполнители паузы хезитации. Как правило, такие единицы используются в одном микроконтексте с нетранслитерированными иноязычными вкраплениями.

– *Все наоборот. Инфантильный дурачок – это ты. За исключением тех редких минут, когда я помогаю тебе побыть Пикачу, ты просто дикарь и **nonentity (ничтожество), understand, нет?***

– *Нет, – сказал Степа. – Можно яснее?*

– *В цивилизованном мире человек должен поддерживать общество, в котором живет. Интенсивность потребления сегодня есть главная мера служения социуму, а значит, и ближнему. Это показатель... **Как это по-русски... social engagement (социальная вовлеченность).** Но в постиндустриальную эпоху главным становится не потребление материальных предметов, а потребление образов, поскольку образы обладают гораздо большей капиталоемкостью. Поэтому мы на Западе берем на себя негласное обязательство потреблять образы себя, **свои consumer identities**, которые общество разрабатывает через специальные институты. **Понимаешь?** (В. Пелевин, «Числа»).*

Недостаточно уверенное владение героя английским демонстрируется в тексте за счет использования как нетранслитерированного ино-

язычного вкрапления, так и дистантно расположенного перевода, принадлежащего этому же персонажу.

Кроме того, Мюс требовала, чтобы любая кровать, на которой они спят, была привязана проволокой к батарее, и его *«excessive electricity»* уходило в землю. Степа не понимал, что это за *«избыточное электричество»*, но предполагал, что оно как-то связано с ролью, которую Мюс заставляла его играть (В. Пелевин, «Числа»).

Иногда перевод иноязычных вкраплений стилистически не соответствует оригиналу, что во многом связано с особенностями передачи ненормативной или сниженной иноязычной лексики. Такая авторская задумка призвана обратить внимание читателя, достаточно хорошо владеющего английским, не только на переводной вариант, но и на текст оригинала.

– *Absolutely! The fact that he ain't no pig no more is exactly the shit that pisses everybody here the fuck off!* (Именно! То, что он больше не является сотрудником правоохранительных органов – как раз та самая проблема, которая вызывает здесь наибольшую озабоченность!). (В. Пелевин, «Числа»).

Сочетание в одном текстовом пространстве двух фрагментов – оригинала и перевода – приводит к созданию прагматического эффекта иронии. Вместе с тем эвфемистические элементы, как иноязычные, так и русские, в тексте представлены и с точным переводом.

Но когда он в третий раз ткнул локтями в очаровательную ложбинку под ее позвоночником, она не выдержала: – *What the hell is this? (Что это за чертовщина?)*. (В. Пелевин, «Числа»).

– Запомни, свинка, – сказала Мюс, – чтобы ты никогда больше не смел так выразиться! *I was born in a gay and lesbian family (Я родилась в семье гомосексуалиста и лесбиянки)*, это как у вас раньше было рабоче-крестьянское происхождение, и если ты еще раз скажешь при мне слово «ковырляки», я уйду от тебя навсегда... Понял? (В. Пелевин, «Числа»).

Диалоги персонажей романа В. Пелевина часто напоминают по форме и содержанию занятия английским языком для начинающих. Элементарные фразы, которые могут пригодиться в повседневном общении, даются с переводом.

Степа повез Мюс на Бали. Это было уже после взрыва, отели пустовали, и вместо обычных шести номеров в списке было целых тридцать четыре. Но Мюс, услышав просьбу выбрать номер, даже не посмотрела в лист.

– *Is number sixty six vacant?*– спросила она. (Свободен ли номер шестьдесят шесть?) (В. Пелевин, «Числа»).

– Я же говорила, *you just needed a good doctor (тебе просто был нужен хороший врач)*. Глупый смешной Пикачу...(В. Пелевин, «Числа»).

Иноязычные вкрапления в тексте романа В. Пелевина служат и средством выражения интертекстуальности. Так, во внутренней речи

героев воспроизводятся собственно цитаты из известных песен и кинофильмов.

При этом набор его ожиданий, не связанных с числами, был довольно скромен. *«She doesn't have to be a movie star»*, – тихонько напевал Степа вслед за Родом Стюартом, и действительно имел это в виду – ему достаточно было элементарной привлекательности. **(Ей не обязательно быть звездой экрана)**. (В. Пелевин, «Числа»).

Прямое цитирование иногда сопровождается комментариями персонажа или автора. Цитата служит некоей отправной точкой для размышлений, причем их суть может быть обусловлена как содержанием цитаты (как правило, социумно прецедентного высказывания), так и непрогнозируемыми ассоциациями с именем исполнителя. В таких случаях текст, обрамляющий цитату, может восприниматься и как оценочный комментарий, и демонстрировать спонтанную актуализацию того или иного фрагмента когнитивного пространства персонажа. Спонтанность актуализации служит также показателем определенного когнитивного диссонанса в сознании персонажа.

Степа понял, что по радио как раз крутится песня этой самой Мадонны, словно состоящая из заголовков бизнес-ньюз, которые сами собой разворачивались в его голове в чугунные информационные блоки:

«You know that we are living in a material world, And I'm a material girl...» (Ты знаешь, что мы живем в материальном мире, и я материальная девушка...).

«Еще страшнее, кто уже с идеалом содомским в душе не отрицает и идеала Мадонны, и горит от него сердце его и воистину, воистину горит, как и в юные беспорочные годы...»

«You know that you are living with a material girl, And this is a material breach...» (Ты знаешь, что живешь с материальной девушкой, и перед нами – существенное нарушение резолюций ООН (дипломатический термин)). (В. Пелевин, «Числа»).

Как средство выражения интертекстуальности используются и трансформированные иноязычные вкрапления. Трансформации могут использоваться и для создания комического эффекта.

Боря Маросеев пел английскую версию стратегического хита «Тату», чуть приспособленную под его хриплый баритон: **«All the thing he has running through my ass...»**. (Вся целиком, его штуковина проносится сквозь мой зад). Его голос был полон боли и тоски по несбыточному – выходило грустно и как-то по особому проникновенно. (В. Пелевин, «Числа»).

Подводя итог, важно отметить, что выявленные нами прагматические возможности иноязычных вкраплений в тексте романа В. Пелевина «Числа» предположительно проявляются в текстах произведений этого автора, а также в текстах современной российской прозы. В перспективе представляется необходимым дальнейший анализ коммуникативно-прагматического потенциала иноязычных вкраплений с учётом типа текста и его жанровых разновидностей.

Литература

- Крысин Л.П.* Иноязычные слова в современном русском языке. М., 1968.
Леонтьев А. А. Иноязычные вкрапления в русскую речь // Вопросы культуры речи. 1966. №7.
Листрова-Правда Ю. Т. Отбор и употребление иноязычных вкраплений в русской литературной речи XIX века. Воронеж, 1986.
Пелевин В. Числа. М., 2007.

References

- Krysin L.P.* Inoyazychnye slova v sovremennom russkom yazyke. M., 1968.
Leont'ev A.A. Inoyazychnye vkraplениya v russkuyu rech' // Voprosy kul'tury rechi. 1966. №7.
Listrova-Pravda Yu. T. Otbor i upotreblenie inoyazychnykh vkraplениi v russkoi literaturnoi rechi XIX veka. Voronezh, 1986.
Pelevin V. Chisla. M., 2007.

Norlusenyan V. S., Grigorieva N. O. (Rostov-on-Don, Russian Federation)

FOREIGN LANGUAGE INCLUSIONS IN MODERN LITERAL TEXT: COMMUNICATIVE AND PRAGMATIC POTENTIAL

Key words: foreign language, text, pragmatic inclusion.

The article is devoted to finding pragmatic and communicative potential of foreign language inclusions in texts in modern Russian prose, determining the functional status of foreign language elements with different structures and semantics in the space of literary text.

Taking into account existing points of view, it can be argued that graphic non-assimilation is the dominant feature of foreign language inclusions, allowing the past to distinguish from other types of foreign words (exoticism, barbarisms, macronisms, etc.).

It is important to clarify the functional and communication actively-pragmatic characteristics of non transliterated units, including parts of the text, which will determine their status in the system of foreign language elements in the Russian language, as well as markers of idiostyle.

Extensive use of foreign language elements becomes the sign of the idiostyle for many modern authors such as V. Pelevin, V. Sorokin, I. Stogoff, S. Minaev. The question of how to legitimate active use of foreign language elements in a literary text, still has no answer. Often foreign-language elements are characteristics of the characters means. You can note the presence of an upward trend in the use of foreign-language texts elements of modern Russian prose.

Norlusenyan Vyacheslav Surenovich – candidate of philology, associate professor of the language theory and the Russian language dpt., Institute of philology, journalism and cross-cultural communication, Southern federal university. Tel. 8-918-580-07-53. E-mail: surenovich@inbox.ru

Grigorieva Nadezhda Olegovna – candidate of philology, associate professor of the language theory and the Russian language dpt., Institute of philology, journalism and cross-cultural communication, Southern federal university. Tel.: 8-918-898-98-04. E-mail: ngreg25@yandex.ru